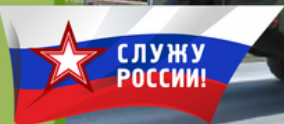


Александр
МАХНЁВ

Я ЖИЛ ПО СОВЕСТИ

Записки
офицера



Александр Владимирович Махнёв
Я жил по совести.
Записки офицера
Серия «Служу России!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18525671

*Александр Махнёв «Я жил по совести. Записки офицера»: Горизонт;
Москва; 2016*

ISBN 978-5-906858-06-1

Аннотация

Перед вами записки офицера-ракетчика полковника Александра Махнёва. Автор из того поколения военных, получивших в народившихся Ракетных войсках высшее инженерное образование и которых ещё на заре РВСН готовили к службе на будущих стратегических комплексах. И в большинстве своём они до конца службы несли боевое дежурство при ракетах великого труженика Михаила Янгеля – 8К63, напугавших мир в 1960-х прошлого века, в трагические времена Карибского кризиса. Стали они комдивами и начальниками политорганов, учёными и преподавателями, трудились в том же училище, которое когда-то окончили и даже руководили военным образованием в РВСН, но остались романтиками и чистыми в помыслах людьми, не изменившими курсантскому братству

и любимым Ракетным войскам. Сын офицера-артиллериста Александр Махнёв и не мыслил своей жизни без офицерских погон. Пример отца, трепетное отношение к нему матери – истинной жены офицера, всегда были перед глазами юноши. Воспитанный в родительской любви, он и свою семью построил по этим вечным законам человеческого бытия. Настоящий русский офицер полковник Махнёв воспитывал личным примером своих подчинённых на ценностях чести и благородства, любви к людям и ответственному отношению к делу. Записки полковника Махнёва не претендуют на эпичность и заявку на большую литературу. Они ценны искренностью, живыми наблюдениями и житейскими воспоминаниями. Их достоинство ещё и в том, что автор и словом худым не обмолвился ни о ком, с кем свела его ракетная судьба. Наверно, памятуя о том, что эти, по сути, дневниковые записи, могут прочитать дети и внуки тех, кто в окружении автора, может быть, не всегда примерно вёл себя по жизни и службе. Записки эти, между тем, ценны для истории, для любопытных её исследователей, потому как они – частица жизни, в которой не каждому дано было занять такое достойное место, из эпохи, которую не перепишешь. Они о стране, которую не вернёшь. Читайте эти живые строки, и вы поймёте, что ничего доброго в отношениях людей в России не утрачено.

Содержание

Вместо предисловия	8
Русский полковник Александр Махнёв	8
Пролог	11
Двойняшки	11
Глава 1	15
Письмо отца	15
Выбор военного пути	19
Первые впечатления	21
Что такое РВКИКУ	24
Они воспитывали нас и обучали	26
Вернёмся к курсантским будням	30
Первый шок	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Махнёв
Я жил по совести
(записки офицера)



Полковник Махнёв Александр Владимирович

Вместо предисловия

Русский полковник Александр Махнёв

Перед вами записки офицера-ракетчика полковника Александра Махнёва – человека известного в Ракетных и Космических войсках, которым он посвятил четверть века жизни. Александр Владимирович Махнёв – из того поколения курсантов – ракетчиков, которые первыми получили в народившихся Ракетных войсках стратегического назначения высшее инженерное образование и которых ещё на заре РВСН готовили к службе на будущих стратегических комплексах. Но в большинстве своём они до конца службы несли боевое дежурство при ракетах великого труженика Михаила Янгеля – 8К63, напугавших мир в 1960-х прошлого века, в трагические времена Карибского кризиса. Стали они командирами и начальниками политотделов, учёными и преподавателями, командовали тем же училищем, которое когда-то окончили и даже руководили военным образованием в РВ-СН, но остались при этом романтиками и чистыми в помыслах людьми, не изменившими курсантскому братству и любимым Ракетным войскам.

Сын офицера-артиллериста Александр Махнёв и не мыслил своей жизни без офицерских погон. Пример отца, трепетное отношение к нему матери – истинной жены русского офицера, всегда были перед глазами юноши. Воспитанный в родительской любви, он и свою семью построил по вечным законам человеческого бытия. Настоящий русский офицер полковник Махнёв воспитывал личным примером и своих подчинённых на ценностях чести и благородства, любви к людям и ответственному отношению к делу.

Записки полковника Махнёва не претендуют на эпичность и заявку на большую литературу. Они ценны искренностью, живыми наблюдениями и житейскими воспоминаниями. Их достоинство ещё и в том, что автор и словом худым не обмолвился ни о ком, с кем свела его ракетная судьба. Наверно, памятуя о том, что эти, по сути, дневниковые записи, могут прочитать дети и внуки тех, кто в окружении автора, может быть, не всегда примерно вёл себя по жизни и службе.

Записки эти, между тем, интересны для истории, для любопытных её исследователей, потому как они – частица жизни, в которой не каждому дано было занять такое достойное место, из эпохи, которую не перепишешь. Они о стране, которую не вернёшь.

Читайте эти живые строки, и вы поймёте, что ничего доброго в отношениях людей в России не утрачено. До тех пор, пока будут в ней такие полковники как Александр Махнёв, у

людей останется надежда на лучшие времена во всех других закоулках нашей жизни, как бы оптимистично и, возможно, пафосно это ни звучало.

*Александр ДОЛИНИН, полковник, однополчанин, ветеран
Ракетных войск стратегического назначения и Централь-
ной военной газеты «Красная звезда»*

Пролог

Двойняшки

Пятнадцатого марта 1949 года, в городе Поставы, на западе Белоруссии, в семье Махнёвых, Владимира Алексеевича и Елены Ивановны, родились двое детей. В семь утра девочка, а спустя шестнадцать часов – мальчик.

Назвали детишек Таня и Саша. Как позднее говорил мне отец, эти имена они с мамой подобрали задолго до нашего рождения, они им нравились по своему звучанию, и было в этих именах, по их мнению, что-то от поэзии Пушкина.

Родились мы достаточно крепенькими и рослыми. Мама носила нас общим весом около шести килограмм. Мне досталось три килограмма восемьсот пятьдесят грамм, сестричке – два сто. Мы с сестрёнкой после рождения дружно оккупировали, специально купленную по случаю, широкую добротную кроватку, а на прогулку ездили в шикарной двухместной коляске.

Наше детство сохранено в многочисленных фотографиях и очень душевных письменных воспоминаниях отца. В этом отношении нам повезло. Хотя прямо скажем, в те времена возможности историографии были весьма незначительны, но, тем не менее, в нашем распоряжении есть несколько пре-

красных фотоальбомов, где в хронологическом порядке наклеены наши фотографии от месяца и старше.

Память, а детская особенно, весьма избирательна и способна сохранить многое, что огоньками, по меткому выражению отца, наиболее ярко горело в нашем сознании.

Вот мы с сестрёнкой готовимся в школу, мама примеряет на меня очень красивую, новую школьную форму, я подпоясываюсь ремешком с ярко начищенной медной бляхой, надеваю фуражку с кокардой.

А вот и наш первый класс. Почему-то он запомнился мне большим и очень светлым. И улыбки. Множество улыбок. Добрые, прекрасные лица, их много-много.

Приезд в Германию, к отцу. Утомительной и долгой была сама дорога, поезд, автобус, новая незнакомая обстановка, на улице пасмурно, прохладно. Но вот опять улыбки. Крепкие руки отца, взявшего нас с Танюшкой в охапку, слёзы радости мамы.

У папы отпуск, и вот мы в Поставах, у бабушки, Антонины Мартыновны. Сад – наш, огород, сарай, погреб – тоже наш. Везде мы с сестренкой полазили, везде побывали. Особое место – это чердак. В субботу, после бани отец прятал нас подмышки, и мы спали вместе с ним на сене, заботливо уложенном мамой.

Первая работа. Да, самостоятельная работа в тринадцать лет на базе по заготовке сена. Сено колючее, его много. Надо скирдовать. Полю не видно конца и края. Пот заливает глаза.

Жарко. Но дома все ждут работника – охи да ахи! А я гордый такой! Сел на лавочку. Молча поел.

– Пойду, передохну, что ли.

Ну, все как у взрослых.

Приём в пионеры. Наставления отца. Учим с ним вместе памятку пионеру. Не надо даже в календарь смотреть, это было 19 мая, в День рождения пионерской организации имени В.И. Ленина. Не менее ярким событием стал приём в комсомол.

Германия. Города Ратенов, Потсдам, где жила наша семья. Долгие путешествия по прекрасному Парку Сан-Суси, Цецилиенхофу, Русской деревне. Всё это ярко и очень чётко стоит перед глазами.

Восьмой класс. Мы покидаем Германию. Отца переводят в Советский Союз.

Белоруссия. Местечко Прибор, в двадцати километрах от города Гомеля.

Новые впечатления, новые друзья.

Класс оказался на редкость приветливым. Уже через день мы стали своими. Таня сблизилась с Павловой Танюшей. Я подружился с Саней Кругликовым. Класс наш обладал редчайшим даром коллективизма. Из друзей, как мы считали, да и жизнь последующая подтвердила, образовался целый круг, большой, круг надёжных людей.

Я их всех помню. Девчонки: Таня Павлова, Алла Жукова, Наташа Чапковская, Лариса Кульвинская, Наташа Злотни-

кова. Ребята: Саня Кругликов, Сережа Новогран, Костя Койда, Володя Микулич, Толя Чужанов, Леня Шульга, Коля Прохоренко, Гена Александров, Саня Гончаров. Ну и мы с сестричкой.

Все праздники мы вместе. Все интересные дела – опять мы вместе. КВН, танцы, даже поездки к нам в военный городок, где мы жили в то время, – снова вместе. Наши родители знали нас всех и гордились этой чистой юношеской дружбой.

Кстати, более половины наших друзей школу завершили с золотыми и серебряными медалями. Это был именно тот случай, когда дружба помогала учёбе. Нашей дружбе уже более полувека. Кое-кого нет уже с нами, к сожалению, но наше школьное братство и память о них живы.

И вот наступает год 1966-й.

Это был год выбора самостоятельного пути в жизни. О моем выборе, о сложностях и хитросплетениях военной судьбы и пойдет мой дальнейший рассказ. Все последующие годы стали смыслом всей моей сознательной жизни.

Глава 1

Рига. Училищные годы

Письмо отца

В октябре 1986 года отец передал мне папочку с письмами, фотографиями, моими записками, блокнотами. Сделанную им подборку он анонсировал и посвятил двадцатилетию начала моей службы. Я приведу полностью папину записку.

«Дорогой Саша!

Прошло 20 лет с того дня, когда ты из школьника стал курсантом военного училища, и определилась твоя последующая жизнь, твоя судьба. Вспомнил ли ты об этом событии за всей твоей занятостью и круговертью сегодняшних дел? Наверно, вспомнил. Молодые годы, особенно студенческие, запоминаются, врезаются в память на всю жизнь. И чем дальше отходишь от них, тем теплее они вспоминаются. Забываются горечи, обиды, неудачи. Все что было, становится светлым, ярким кусочком твоей жизни.

У нас сохранились некоторые письма, фотографии, записки периода твоей курсантской жизни. Они нам дороги, так как напоминают и о тебе, и о нашей жизни в те годы. К сожалению, почему-то письма только первого периода твоей

учебы. Видимо, в начале своей учебы, пока ты становился на ноги, отвыкал от домашней жизни, грустил и скучал по дому, писал часто и помногу. А уж, встав твердо на ноги, стал писать реже и рациональнее, по мере необходимости, с твоей точки зрения.

Мы с мамой снова перечитали эти письма. Они несколько наивны, восторженны, но честны и искренны. Во многих ты отвечаешь на наши вопросы, споришь с нами, отстаиваешь свою точку зрения (о песнях Высоцкого и др.). Мы понимали разумность твоих доводов, хотя и вносили свои поправки. Мы хотели, чтобы ты стал настоящим Советским человеком, воином, в полном смысле этого слова, то есть искренне беспокоились за твою судьбу.

В одном из писем, в связи с поступлением Татьяны в институт ты пишешь: «Мне даже не верится: двое из одной семьи поступили, и куда?!» Да это было так. Ты и Татьяна поступили в высшие учебные заведения по своему выбору и желанию и безо всяких связей и знакомств, как это принято сейчас. Твое восклицание в письме было искренним. А уж для нас-то, тем более был приятен факт вашего поступления в ВУЗы.

Годы вашей учебы в ВУЗах вообще не были лёгкими для нас. Переживаний было много. И ещё. Факт остается фактом: лучшее пальто у твоей мамы было сшито из отреза выданного мне на обмундирование. И вовсе не из-за красоты и качества материала, просто нам приходилось экономить.

Но сейчас мы вспоминаем только светлое и хорошее из того периода.

В твоих письмах много юмора (особенно в карикатурах) — это хорошо, духом ты не падал, но есть и легкое бахвальство, присущее молодым, и оставшееся у тебя, в какой-то мере, до сих пор.

А помнишь ли ты, Саша, свой отъезд в училище? Он был совершенно неожиданным для нас. Ты поехал в училище на другой день после выпускного вечера в школе. Я в это время находился на учебных сборах в Минске. Мать одна тебя собирала и отправляла, плакала всю ночь. А я, находясь на сборах и получив сообщение по телефону, просидел всю ночь на вокзале и рано утром встретил твой поезд и тебя.

Такое не забывается.

Мой первый приезд в Ригу. До слёз было жалко смотреть на тебя и Женю Александрова, таких неприспособленных к жизни, птенцов, вылетевших из родительского гнезда. Фотографии, которые я сделал тогда, об этом напоминают. Вспомни в них.

Не хочется вспоминать о втором приезде, но он был. К твоей чести скажу: у тебя тогда хватило силы воли и твердости, чтобы остаться на избранном пути.

У нас были радости встреч с тобой и Татьяной в каникулы, горечь расставаний с вами. И бесконечное ожидание писем, весточек от тебя...

Доброго здоровья тебе, сынок, Татьяне, вашим деткам, ва-

шим внукам, счастья вам и благополучия!

Не забывайте нас, пишите и приезжайте.

Обнимаем тебя.

Твои мама и папа».

Вот такое вот письмо-напутствие я получил от отца, спустя двадцать лет после поступления в Рижское высшее командно-инженерное Краснознаменное училище имени С.С. Бирюзова.

Конечно, отъезд в училище не был случаен. Отец, говоря о неожиданном убытии в Ригу, имел в виду время отъезда для обучения в ВУЗе. Действительно это было нежданно. Весь вечер и ночь выпускного торжества, мы с одноклассниками провели радостно и весело. С песнями, шутками, смехом мы гуляли по улицам города.

Я в эту ночь оставался у своего одноклассника Толи Чужанова, так как в тот период наша семья жила в Приборе, небольшом городке в двадцать километрах от Гомеля, и домой ночью мы с сестрой не могли попасть, мобильных тогда не было. Так вот, я ночевал у Толи, а Таня у подруги, Павловой Татьяны. Уже поздно ночью, мама Толи сказала, что мне надо быть на вокзале к такому то времени.

Выбор военного пути

Выбор военного поприща для меня, конечно, не был случайным. К этому я шёл, видя перед собой пример отца, офицера Советской Армии, стройного, подтянутого, умного, эрудированного. Видя его сослуживцев, их семьи, их дружбу, взаимное уважение. К этому я шёл, видя, как мама заботится об отце, всячески оберегая его в недолгие часы отдыха после службы, отстраняя его от бытовых проблем семьи. Поверьте, в те годы их было немало. Мама всегда провожала отца на службу, с гордостью смотрела вслед молодому красавцу-офицеру. А отец, служа в армии, всегда был молод. С радостью, а порой и со слезами, если разлука была долгой, мама встречала отца со службы.

Спустя много лет я понимаю, что весь уклад жизни нашей семьи вёл меня в армию.

Готовила к службе в армии меня и сама атмосфера жизни в середине шестидесятых годов. Мало кто на бытовом уровне в тот период анализировал послевоенную безработицу среди военных, переизбыток офицеров после войны, хрущёвские сокращения. Перед глазами всегда был красавец военный в форме, подтянутый, улыбчивый, сильный и смелый. Девчонки стайками кружили на танцах в Домах культуры вокруг военных, особенным спросом пользовались билеты на вечера отдыха в Дома офицеров. Офицеры форму

носили молодцевато, большинство не снимали её и за воротами КПП. У многих в те годы одеждой выходного дня была парадная военная форма. Такое время было.

Отец много мне рассказывал о своей службе, много было интересных повествований, даже баек об армейских буднях и солдатских похождениях. Среди друзей отца было немало фронтовиков, их рассказы были захватывающе интересными для меня.

Впрочем, отец понимал, что просто отвести меня в военкомат и самому выбрать для меня училище, было бы неправильно. Он давал возможность мне посомневаться. Иногда, мне кажется, даже провоцировал меня разговорами об институте, гражданской жизни, дескать, свобода – всегда дома, при родителях. А что, заманчиво!

Но когда пришло время выбирать, сомнений у меня не возникало. Иду в военное училище! А вот куда конкретно – здесь уж совет отца был крайне необходим. Батя, будучи по своей подготовке военным артиллеристом, подсказал, что наиболее перспективным представляется учёба в высшем инженерном училище, а военным профилем может стать артиллерия и ракетные войска. Этим параметрам соответствовало Рижское Высшее командно-инженерное Краснознаменное училище имени Маршала Советского Союза Бирюзова С.С., проще, РВКИКУ.

Первые впечатления

Июль 1966 года. Рига. Улица Вальню, 5. Здесь было место сбора абитуриентов. Сданы документы, определены учебные группы и началась подготовка к экзаменам. Жили мы в корпусе 6 (СК-6), который находился на ул. Кришьяна Барона, у бассейна и спорткомплекса «Даугава».

В течение двух недель в учебном корпусе на улице Муйтас, (УК-1) мы сдавали вступительные экзамены. Экзаменовали нас по четырем предметам: физика, математика (письменно и устно) и русский язык. Конкурс был примерно 6–7 человек на место. Проходным был бал по первым трём экзаменам, по ним мы и оценивались. Чтобы поступить, нужно было набрать не менее 11 баллов. Барьер этот с минимумом необходимых оценок я преодолел.

Ура!!! Зачислен!!!.

28 июля нас переодели в военную форму, а 29 июля курс переехал на загородную учебную базу, в городке Лиласте, что на Рижском взморье.

Приказом начальника училища генерал-лейтенанта Новикова В.А. № 315 от 1 августа 1966 года мы были зачислены слушателями 1 курса факультета № 1 РВКИКУ имени С.С. Бирюзова. Начальником лагерного сбора был назначен полковник Сорока А.И. – заместитель начальника факультета № 1.

Разместили нас в палатках. Спали на нарах. Матрацы, одеяла, подушки, простыни. Все чистенько, аккуратненько. Подъём, зарядка, умывание, самоподготовка. Наряды дневальными по городку, в столовую. Кино в выходные. Всё ново, но серо и быстротечно. Лёг, встал, подготовка. Опять лёг, встал, опять учёба.

Почему-то вспоминается первый наряд в столовую. Вспоминается буквально до мелочей.

Какие ассоциации связаны со столовой? Правильно, много мяса и компота. Здесь же оказалось много тарелок и картофеля, который надо чистить, а еще километры пола, который надо тщательно вымыть, и не один раз. В столовке в этот период питалось несколько тысяч абитуриентов, слушателей и солдат. В общем, мяса действительно было много и макарон, и рыбы, и хлеба с компотом, но кушать, почему то уже не хотелось.

А самое обидное было то, что в этот первый наряд старшина не назначал, а спросил: «Кто хочет в наряд по столовой». Сам ведь напросился. Ну да ладно, всё, когда-нибудь, надо попробовать, тем более в первый раз.

Памятен и момент получения первого личного оружия. Это был автомат АК-47. Натирали мы его от души, маслица не жалели, дерево тряпочной полировали, любили, ну прямо как свою подружку. Помню гордость – прямо через край! Письмо отдельно по этому поводу домой написал – это была ОДА любимому детищу!

Здесь в Лиласте нас познакомили и с более интересным оружием. В сооружении под интригующим названием «двойка», мы впервые увидели стратегическую ракету, изучению практики работы на которой, плюс другие предметы, нам предстояло посвятить долгих (как мы думали тогда) пять лет.

Памятным был день присяги 27 августа. Жара, солнце печёт нещадно, а мы, обливаясь потом, с автоматами на груди ждём очереди к столу, где начальник курса принимал присягу и предоставлял право подписи на листе о её приеме. Кое-кто от жары в обморок падал. Одним из них был Витя Кудинов, наш будущий отличник.

Ничего, этот этап также пройден.

И вот мы переезжаем в Ригу, размещаемся на улице Иманта Судмаля, д. 34. Это СК-7 (спальный корпус), где предстояло прожить нам долгие годы. Жили мы на 5 этаже, на 4 размещался 1 курс факультета № 2, на 3 этаже – учебные отделения старших курсов. На 1 и 2 этажах был клуб училища. Питались в столовой напротив учебного корпуса № 1.

Так прошёл первый месяц наших военных будней. А впереди ещё долгие пять лет учёбы и службы.

Что такое РВКИКУ

Что такое Рижское высшее командно-инженерное училище? С высоты сегодняшнего дня я вполне ответственно могу сказать: наше училище было уникально. Уникально, прежде всего, своей славной, и трагической судьбой. Поясню.

За весь период существования оно готовило офицеров различных войсковых специальностей. Что общего в подготовке артиллеристов морской обороны, офицеров-инженеров Ракетных войск стратегического назначения и политработников звена рота – батарея? Да только то, что это были офицеры и только. Учебная база, преподавательский состав должны были соответствовать заявленной специальности. И училище в каждый период прекрасно справлялось с задачами, возложенными на него.

Я читал о прекрасной учебной базе морского училища береговой обороны (так величалось наше училище до 1958 года). По рассказам выпускников, уже политического факультета, после 1977 года, слышал лестные отзывы об условиях учёбы в стенах политического училища (РВВПУ). Но и сам учился в инженерном училище (РВКИКУ).

База для подготовки офицеров ракетчиков была идеальной. В Лиласте, на базе дивизиона учебно-боевого обеспечения (ДУБО), находились полноценные стартовые площадки, служили офицеры и солдаты, демонстрируя для нас абсо-

лютно реальные условия боевой жизни и подготовки РВСН. В учебном дивизионе мы проводили много времени, впитывали навыки и знания службы ракетчика. В стартовой батарее около пятидесяти военнослужащих, офицеров, старшин, сержантов и солдат. Так вот, за годы учёбы мы работали за всех номеров пусковой установки, наверно, кроме комбата и старшины. Мы наизусть знали одиннадцатилистовку (схему работы агрегатов и электрооборудования ракеты), изучили досконально всю технику батареи. Так что специальная подготовка у всех выпускников была прекрасной.

Когда я прибыл после училища лейтенантом в полк, комбат Стеценко, узнав, что я из РВКИКУ сказал: «А что тебе готовиться, сдавай через неделю на допуск к боевому дежурству, все рижане подготовлены в училище прекрасно». Ну не за две недели, но за двадцать дней, я был допущен к работе в составе дежурной смены стартовой батареи.

Так что, кто бы ни был среди курсантов или слушателей, как нас называли в период учебы: моряки, ракетчики или политработники, государством были созданы идеальные условия для полноценной базовой подготовки офицеров войск. И училище, благодаря усилиям командования, преподавательского состава, инженеров, политработников, со своими задачами справлялось прекрасно.

Они воспитывали нас и обучали

В 1967 году училище возглавил фронтовик, орденосец, генерал-майор Березняк. Уже в возрасте тридцати девяти лет Николай Иванович командовал Кармелавской ракетной дивизией, одной из первых в Ракетных войсках стратегического назначения. Талант воспитателя, командира, фронтовой опыт, Березняк успешно использовал и в деле воспитания будущих офицеров РВСН. Позднее Николай Иванович, защитив диссертацию, стал кандидатом технических наук, доцентом и с 1973 года возглавлял Военно-инженерную академию им. А.Ф. Можайского.

Начальником факультета был Пасмуров Яков Дмитриевич, выпускник Севастопольского училища береговой обороны Военно-Морских Сил РККА. Участник Великой Отечественной войны с августа 1941 года до её последних дней. Начинал войну помощником начальника штаба Новороссийского оборонительного района по артиллерийской разведке. Особенно отличился, будучи начальником берегового отряда сопровождения Дунайской военной флотилии. Участвовал в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии и Австрии. Успешная боевая деятельность отряда под командованием майора Я.Д. Пасмурова пять раз отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего. Яков Дмитриевич был награждён семью

боевыми орденами, являлся Почётным гражданином города Братислава.

Заместителем Пасмурова был Сорока Александр Иванович, так же выпускник КАУБО. С 29 октября до 19 ноября 1941 года в составе курсантского батальона участвовал в героической обороне Севастополя. Участник обороны Советского Заполярья. С 1949 года и до увольнения из Вооружённых Сил, в 1972 году, проходил службу в Рижском КАУБО ВМФ, а после его реформирования – ВКУБО ВМС и РВКИ-КУ им. Маршала Советского Союза С.С. Бирюзова. За годы службы в Вооружённых Силах СССР награждён двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени.

Набирал наш курс подполковник Дроздов Григорий Фомич, мудрый, опытный командир и воспитатель.

Каждый наш выпускник с благодарностью вспоминает офицеров, которые воспитывали нас: Лупандина Петра Ивановича, Иванова Станислава Васильевича, Курносова Игоря Львовича, Бороду Петра Михайловича. Мы верили этим людям, уважали их. Они в свою очередь всё своё сердце и душу отдавали нам, будущим офицерам.

Учили нас люди с богатейшими профессиональными знаниями и опытом. Те, кто имел свои научные трактаты, своих учеников, а порой и свою школу.

Вот лишь некоторые из этих имен. Бургвиц Александр Георгиевич, доктор технических наук, заслуженный деятель

науки и техники РСФСР, заслуженный изобретатель СССР. Научные интересы Бургвица А.Г.: гидродинамическая теория трения и разработка её разделов с учётом инерционных процессов, пневмоавтоматика. Автор двух монографий, 125 научных статей.

Учили нас, академик, доктор физико-математических наук Кирко И.М., доктор физико-математических наук Пекелис А.С., профессор, доктор физико-математических наук Плоткин Б.И., заслуженный деятель науки Латвийской ССР, доцент, кандидат исторических наук Мокеев П.В., доцент, кандидат технических наук Саяпин В.И., доцент, кандидат химических наук Крымова Л.П., доктор философских наук Зуев К.Е. и другие.

Военную науку преподавали также авторитетные и заслуженные люди.

Прежде всего, я хотел бы познакомить вас с биографией отца моего друга Ступакова Юрия.

Ступаков Николай Акимович возглавлял в училище одну из ведущих кафедр. Представьте себе, этот человек в двадцать два года был уже заместителем командира полка, майором. Прошёл всю войну, был дважды ранен. Награждён орденами Красного Знамени, «Красной звезды», Отечественной войны 1 и 2 ст., 28 медалями, в том числе, шестью боевыми. Я горд, что был знаком с этим замечательным человеком.

Военные и специальные кафедры, отделы и лаборатории

возглавляли заслуженные офицеры, учёные, грамотные специалисты. У этих людей сложно было учиться, но знания они давали добротные.

При всей очевидной успешности училища, особенно контрастна его судьба в девяностые годы. В 1992 году училища не стало. 30 июня 1992 года в результате политических событий конца 80-х – начала 90-х годов его расформировали.

Но ведь за этим стояли судьбы людей и, что обидно особенно, забытая государством история училища. Всё! Нет училища!

И плевать было тем, перестроечным вожакам, что где-то в Севастополе немощные старики в военно-морской форме, плачут, вспоминая в День Победы родное Краснознамённое училище береговой обороны.

Что сотни офицеров, связавших свою судьбу с училищем в Риге, скитались по России: кто в Питере, кто в Серпухове (это ещё отличные варианты), а кто в иных городах России, в поисках работы.

Что, поминая судьбу родной альма-матер, видя сытые физиономии «гениев перестройки», матерятся и чертыхаются десятки тысяч выпускников-ракетчиков.

Всё побросали в Риге, здания, прибалтийскую базу, за бесценок отдали технику. Хорошо хоть Знамя училища не продали.

Вот она, история! Через жизни, сердца людей, по живому шагали к «демократическим свободам».

Вернёмся к курсантским будням

Училище размещалось идеально комфортно для слушателей, трудновато для преподавателей, проблемно для руководства и, видимо, накладно для жителей Риги и местных властей.

Представьте себе, несколько шикарных огромных корпусов в центре старой Риги. Да тут выйти не успеешь, на, вот тебе драмтеатр, а вот вокзал, набережная Даугавы, по ней мы с голым торсом бегали по утрам на зарядке, памятник латышским стрелкам, Рижский политехнический институт, Домский собор. Всё, как сейчас говорят, в шаговой доступности. Но это для нас.

Для командиров – это головная боль, ведь из корпуса в корпус идти надо пёхом по всей Риге. В столовую – тот же переход, на кросс – вообще надо к лесу на трамваях ездить.

Распорядок дня формировался для такого коллектива, а было нас на курсе 134 человека, впервые. До 1966 года училище готовило инженерные кадры из числа офицеров, имеющих среднее образование, и лишь одно отделение было составлено из слушателей, прибывших из войск и поступивших после школы, а это чуть более двадцати человек.

Весь уклад жизни только формировался. Прежними традициями училища были – высокая ответственность слушателей в учебе, огромная тяга к инженерным знаниям, стрем-

ление их к получению максимальных практических навыков ракетного дела. И «человеческий материал» был иной: тридцатилетние офицеры, большинство с семьями, серьёзные, зрелые люди.

А с 1966 года стали приходиться пацаны, выпускники-школьники. Надувай щёки-не надувай, вчерашнего школяра всегда видно. Молодо-зелено!

Помню, как нас одевали. В огромную шинель можно было два-три раза завернуться, из воротничка торчала тощая гусяная шея с ушами. Сапоги били по икрам при ходьбе. Смех!

Сеня Курилин решил сфотографироваться в новенькой форме. Так вот, чтобы как-то совместить шею и ворот, сзади между шеей и воротником гимнастерки ему вставили спичечный коробок. Ничего, получилось неплохо, вполне геройская серьёзная мордочка.

Получив обмундирование, большинство ребят бросились с помощью иголки и нитки подправлять одежду. Среди нас не было Зайцевых или Юдашкиных, а потому зрелище на очередном построении курса было и жалким, и уморительным. Ушили все, как могли. Старшина курса и курсовые метались с ножницами вдоль строя и распарывали наши «дудочки – галифе» и укороченные гимнастёрки.

Через пару недель кое-как всё уладилось, мы стали привыкать к своему новому облику.

Начали мы и понимать, где учимся. За скромной вывеской училища увидели то, о чём говорят шёпотом, что не

всем дано знать. И это нас значительно возвышало над всеми. Оказывается, мы пришли в училище Ракетных войск стратегического назначения, самых режимных и закрытых войск! Зауважали и полюбили себя. Мы ракетчики! Стратегические.

Вместе с этим начало приходить и понимание особой ответственности и сложности будущей профессии. Появились первые «отказники». 10–15 процентов первокурсников под различными предложениями ушли на гражданку, в другие войска, через медицинскую комиссию.

А теперь об учебе. Представьте, вчера преподаватель видел перед собой вполне зрелых людей, а тут – вчерашние школьники, с гримасами, ужимками, соответствующими их возрасту. Ох, и тяжело было нашим преподавателям! Да и робели мы, откровенно говоря, видя какие светила входят в аудиторию. Так что незачёты, двойки сыпались как из рога изобилия. Командиры ругали нас, заставляли заниматься дополнительно.

Офицеры, обучаясь в училище и имея определенный опыт, как житейский, так и подготовки к экзаменам и другим формам контроля знаний, нас по результатам конечно превосходили. Что мы могли? Лежит перед тобой учебник в пятьсот листов, а через три дня экзамен. Если ты пропускал занятия, чего-то не понял – тебе капец. Назубок поднять такой материал невозможно. Уже потом, спустя много лет в академии я знал, как материал учить глазами, ушами, даже

жестами, а не только памятью.

А здесь, на первом курсе?

Первый шок

Активно занимаясь спортом, выступая в художественной самодеятельности, порой пропуская самоподготовку, к летней сессии 1967 года я подошёл «с пустой головой». На экзаменах получил подряд три неудовлетворительные оценки, и в считанные дни оказался за воротами училища.

Это был настоящий шок: отчислили по неуспеваемости! Земляки довольные, счастливые уезжали на каникулы, а я – за воротами училища. Надо было что-то предпринимать! Для начала я попросил своего товарища, Женю Александрова сказать отцу, что остался добровольно поработать в учебном лагере училища. Для себя же принял решение: не уеду, любыми путями продолжу обучение. Записался на прием к начальнику факультета Я.Д. Пасмурову.

Отчислили тогда не одного меня. Многие, смирившись, уехали домой. Со мной остались Сеня Курилин, мой «коллега по двойкам», Юрин Игорёк, Юдин.

Яков Дмитриевич вызвал начальника курса Ананько, выслушал его мнение и дал команду, перевести нас в подразделение обеспечения. Послужат, мол, и пусть вновь поступают на общих основаниях. Как мы были счастливы!

Через пару дней меня вызвали к начальнику курса. Захожу, а у него в кабинете сидит отец. Друг мой Женька, всё же не выдержал, рассказал, что со мной произошло. С отцом мы

провели целый день, долго и много говорили, гуляли, размышляли о будущем. Повзрослел я за эти дни значительно, а авторитет бати, который был и так был для меня незыблемым, стал ещё большим. Повторные экзамены я сдал с проходным баллом.

Так я стал слушателем первого курса первого факультета набора 1967 года. Поступая позднее в академию и учась в ней, я вспоминал свои первые двойки. Тот первый шок стал для меня хорошим уроком в жизни: академию я окончил с отличием и золотой медалью. Но об этом позднее.

Второй раз в первый класс! Новый коллектив, новые люди, новые отношения. В силу своей коммуникабельности я не был один, коллектив принял меня, друзей особых не было, но общался со всеми на равных. С прежними друзьями по учёбе виделся редко, программы обучения были разными, да и нагрузка ребят на втором курсе возросла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.